

УИЛЬЯМ

ФОЛКНЕР

ГОРОД

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Йокнапатофская сага

Уильям Катберт Фолкнер

Город

«Издательство АСТ»

«ФТМ»

1957

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фолкнер У.

Город / У. Фолкнер — «Издательство АСТ», «ФТМ»,
1957 — (Йокнапатофская сага)

ISBN 978-5-17-133087-3

«Город» – вторая книга трилогии Уильяма Фолкнера «Деревушка», «Город», «Особняк», посвященной трагедии аристократии американского Юга. Семьи высшего общества оказались перед мучительным выбором – сохранить былые представления о чести и впасть в нищету или порвать с прошлым и влиться в ряды быстро разбогатевших дельцов-нуворишей. Циничный Флем Сноупс нажил состояние, приобрел респектабельность и вес в обществе. Однако вскоре ему предстоит стать не только свидетелем, но и участником трагедии великой любви, жгучей ревности и разрушительных страстей... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133087-3

© Фолкнер У., 1957
© Издательство АСТ, 1957
© ФТМ, 1957

Содержание

1	5
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Уильям Фолкнер

Город

1

Чарльз Маллисон

Меня тогда еще на свете не было, но в то время мой двоюродный брат Гаун был уже настолько большой, что мог все увидеть, запомнить и рассказать мне, когда я подрос и начал соображать. Или, вернее, не только Гаун, но и дядя Гэвин, или, пожалуй, не только дядя Гэвин, но и Гаун. Ему, Гауну, было тринадцать лет. Его дед приходился братом моему деду, а к тому времени, когда дошло до нас, мы с ним и не знали, кем друг другу доводимся. Поэтому он нас всех, кроме деда, звал «двоюродными» и мы все, кроме деда, звали его «двоюродным», и все.

Они жили в Вашингтоне, где его отец служил в государственном департаменте, а потом государственный департамент вдруг послал его отца в Китай, или в Индию, или еще куда-то далеко-далеко на целых два года; и мать его тоже поехала, а Гауна они отправили к нам, чтоб он у нас жил и учился в джефферсонской школе, покуда они не вернутся. В то время «к нам» — это значило к деду, маме, папе и дяде Гэвину. Я расскажу, что знал об этом Гаун до того, как я родился и подрос настолько, чтобы тоже об этом знать. А когда я говорю «мы» и «мы думали», то имею ввиду Джефферсон и то, что думали в Джефферсоне.

Сперва мы думали, что бак на водокачке — это только памятник Флему Сноупсу. Мы тогда еще ничего не понимали. И только потом мы поняли, что эта штука, которая виднеется над городом Джефферсоном, штат Миссисипи, вовсе не памятник, а след ноги.

Однажды летом Флем въехал в город по юго-восточной дороге в фургоне, запряженном парой мулов, везя с собой жену, ребенка и кое-что из домашней утвари. А на другой день он уже стоял за стойкой в маленьком ресторанчике, принадлежавшем В. К. Рэтлифу. Или, вернее, Рэтлиф владел этим ресторанчиком на паях еще с одним человеком, потому что он, Рэтлиф, агент по продаже швейных машин, должен был почти все время разъезжать по округе в своем фургончике (он тогда еще не купил «форд» первого выпуска) с образцом швейной машины. Или, вернее, мы думали, что Рэтлиф еще владеет ресторанчиком на паях, пока не увидели за стойкой незнакомца в засаленном переднике — он был приземистый, неразговорчивый, с крошечным аккуратным галстуком-бабочкой, с мутными глазами и неожиданно маленьким носом, крючковатым, словно клюв у мелкого ястреба; а еще через неделю Сноупс поставил за ресторанчиком парусиновую палатку и стал жить там с женой и ребенком. И тогда-то Рэтлиф сказал дяде Гэвину:

— Дайте только срок. Через полгода он и Гровера Кливленда (Гровер Кливленд Уинбуш был его компаньон) выпрет из этого ресторана.

Это было самое первое лето, «первое лето Сноупсов», как назвал его дядя Гэвин. Сам он был тогда в Гарварде, уехал туда, чтоб выучиться на магистра искусств. А потом он собирался поступить на юридический факультет университета здесь, в штате Миссисипи, чтобы, когда кончит его, стать помощником своего отца. Но уже в каждые каникулы он помогал отцу, который был прокурором города; миссис Сноупс он тогда еще и в глаза не видел, и не только не знал, что поедет в Германию учиться в Гейдельбергском университете, но не знал даже, что ему всерьез этого захочется: он говорил только, что не прочь поехать туда когда-нибудь, ему это казалось удачной мыслью, которую приятно держать про себя, а при случае и вернуть в разговор.

Они с Рэтлифом часто разговаривали. Потому что Рэтлиф, хоть и школы не кончил толком и все время разъезжал по нашей округе, продавал швейные машины (или продавал, или выменивал, или покупал еще что-нибудь), они с дядей Гэвином оба интересовались людьми, или так, по крайней мере, говорил дядя Гэвин. Потому что я-то всегда думал, что они главным образом интересовались тем, как бы удовлетворить свое любопытство. То есть так было до сих пор. Потому что теперь это было посерьезнее простого любопытства. Теперь им стало страшно.

От Рэтлифа мы и узнали в первый раз о Сноупсе. Или, вернее, о Сноупсах. Или нет, неправда: в 1864 году был в кавалерийском эскадроне полковника Сарториса один Сноупс, в том эскадроне, который был отряжен, чтобы нападать на передовые посты янки и уводить у них лошадей. Только однажды его, этого самого Сноупса, схватили конфедераты, потому что он у них хотел лошадей угнать, и, по слухам, повесили. Но, видно, и это тоже неправда, потому что (как сказал Рэтлиф дяде Гэвину) лет десять назад Флем и какой-то старик, видимо его отец, появились в наших краях неизвестно откуда и арендовали маленькую ферму у Билла Уорнера, державшего в своих руках чуть не весь округ и деревушку Французову Балку в двадцати милях от Джефферсона. Ферма эта была такая маленькая и захудалая, земля на ней так истощилась, что только самые что ни на есть никудышные фермеры брали ее в аренду, да и те больше года никогда не удерживались. Но Эб с Флемом все же арендовали ее, и, видимо (как сказал Рэтлиф), он, или Флем, или оба они вместе нашли это самое...

– Что? – спросил дядя Гэвин.

– Сам толком не знаю, – сказал Рэтлиф. – То, что дядюшка Билл и Джоди зарыли, как им казалось, надежно, – потому что в ту же зиму Флем стал приказчиком в лавке у дядюшки Билла. И то, что они нашли там, на ферме, видно, пошло им впрок, или, может, оно им уже было ни к чему; может, Флем теперь нашел что-то такое, что, как казалось Уорнерам, было надежно спрятано под стойкой в самой лавке. Потому что еще через год Эб переехал на Французову Балку к сыну, и тут откуда ни возьмись появился новый Сноупс и поселился на арендованной ферме; а там, через два года, еще один Сноупс арендовал у Уорнера кузню. И стало на Французовой Балке Сноупсов столько же, сколько Уорнеров; а через пять лет после этого, в тот самый год, когда Флем переехал в Джефферсон, Сноупсов стало даже больше, чем Уорнеров, потому что одна из Уорнеров вышла замуж за Сноупса и теперь кормила грудью еще одного маленького Сноупсика.

Видно, теперь Флем нашел что-то уже в доме у дядюшки Билла. Нашел его единственную дочку, она была младшая из детей, не просто деревенская красавица, а первая красавица на всю округу. И он это сделал не только из-за земли и денег старого Билла. Потому что я тоже ее видел и знаю, какая она, хоть тогда она уже была взрослая и замужем и у нее уже была дочка старше меня, а мне было сперва только одиннадцать, потом двенадцать, а потом тринадцать лет. («Ну да, – сказал дядя Гэвин. – Даже в двенадцать лет глупо воображать, что ты первый сходишь с ума из-за такой женщины».) Она не была рослой, статной, похожей, как говорится, на Юнону. Просто трудно было поверить, что одна живая женская плоть может все это вместить и удержать в себе: слишком много белизны, слишком много женственности, быть может, слишком много сияния, не знаю уж, как это назвать: но только взглянешь на нее и сразу чувствуешь словно бы прилив благодарности за то, что ты мужчина и живешь на свете, существуешь вместе с ней во времени и пространстве, а в следующий миг (и уже навсегда) тебя охватывает какое-то отчаянье, потому что ты знаешь, что никогда одного мужчины не хватит, чтобы удостоиться, заслужить и удержать ее; и тоска навеки, потому что отныне и вовек ты ни о ком другом и помыслить не сможешь.

Вот что на этот раз нашел Флем. В один прекрасный день, как рассказывал Рэтлиф, на Французовой Балке узнали, что накануне Флем Сноупс и Юла Уорнер уехали в соседний округ, уплатили налог и поженились; и в тот же день, как рассказывал все тот же Рэтлиф, на Французовой Балке узнали, что трое парней, давние поклонники Юлы, тоже уехали ночью, – говорили,

будто в Техас или еще куда-то на Запад, так далеко, что дядюшке Биллу или Джоди Уорнеру ни чем бы их не достать, даже если б они и вздумали попробовать. А через месяц Флем с Юлой тоже уехали в Техас (в этот край, как сказал дядя Гэвин, который в наше время служит убежищем для преступников, банкротов или просто оптимистов), а на другое лето вернулись с девочкой, которая была немного велика для трехмесячной...

– И еще эти лошади, – сказал дядя Гэвин.

Это мы знали, потому что не Флем Сноупс первый их сюда пригнал. Почти каждый год кто-нибудь пригонял в нашу округу откуда-нибудь с Запада, из прерии, табун диких, необъезженных лошадей и продавал их с торгов. На этот раз с лошадьми приехал какой-то человек – видимо, из Техаса, и в тот же самый день оттуда вернулся Сноупс с женой. Только лошади были очень уж дикие, и кончилось тем, что эти зверюги, пестрые, как ситец, необъезженные, да объезжать их и думать нечего было, разбежались не только по Французовой Балке, но и по всей восточной части округа. И все же никто не доказал, что лошади были Флемовы.

– Нет, нет, – сказал дядя Гэвин. – Вы ведь не задали дёру, как те трое, как только вспомнили о дробовике дядюшки Уорнера. И не говорите мне, что Флем Сноупс выменял у вас вашу половину ресторанчика на одну из этих лошадей, потому что я все равно не поверю. На что он ее выменял?

Рэтлиф сидел перед ним в чистой рубашке, лицо приветливое, смуглое, гладко выбритое, и его умные, проницательные глаза избегали взгляда дяди Гэвина.

– На тот старый дом, – сказал он. Дядя Гэвин молчал. – На усадьбу Старого Француза. – Дядя Гэвин молчал. – Ну, где зарыты деньги.

И тут дядя Гэвин понял: ведь во всем Миссисипи и даже на всем Юге нет ни одного старого плантаторского дома довоенных времен, с которым не была бы связана легенда о деньгах и серебряной посуде, зарытых в саду, чтоб спасти их от янки, – на этот раз речь шла о разрушенном доме, который принадлежал Уорнеру, а в старину господствовал над деревушкой и дал ей свое имя, откуда и пошло название Французова Балка. Во всем был виноват Генри Армстид, это он вздумал расквитаться со Сноупсом за лошадь, которую тот техасец ему продал, а он, гоняясь за ней, сломал ногу.

– Или нет, – сказал Рэтлиф, – я тоже виноват, как и всякий другой, как и все мы. Отгадать, на что Флему эта старая усадьба, которая торчит у всех на глазах, было не так-то просто. Я не о том говорю, зачем Флем стал бы ее покупать. Я о том, зачем он взял ее даром. Когда Генри стал ходить за Флемом по пятам и следить за ним и выследил наконец, что он копает в старом саду, то ему, Генри, не пришлось долго убеждать меня поехать туда завтра и своими глазами убедиться, что Флем там копает.

– А когда Флем наконец бросил копать и ушел, вы с Генри вылезли из кустов и тоже принялись копать, – сказал дядя Гэвин. – И нашли. Нашли часть клада. Но этого было вполне довольно. Ровно столько, чтобы вы, едваждавшись рассвета, бросились к Флему и обменяли свою половину ресторана на половину усадьбы Старого Француза. И долго вы с Генри еще потом копали?

– Я-то бросил на вторую ночь, – сказал Рэтлиф. – Как только сообразил да поглядел на эти деньги повнимательней.

– Так, – сказал дядя Гэвин. – На деньги.

– Мы с Генри откопали серебряные доллары. Среди них были и старые. Среди тех, что достались Генри, был один, отекавший почти тридцать лет назад.

– Понятно. Он, выходит, подсыпал вам золотишко в песок, как делают старатели, – сказал дядя Гэвин. – Старо как мир, и все же вы попались на эту удочку. Не Генри Армстид, а вы.

– Да, – сказал Рэтлиф. – Это почти так же старо, как тот платок, что уронила тогда Юла Уорнер. И почти так же старо, как дробовик дядюшки Билла.

И больше он тогда ничего не сказал. А еще через год он остановил дядю Гэвина на улице и сказал:

– Если суд ничего не имеет против, Юрист, я хотел бы внести поправку. Я хочу переменить «тогда» на «все еще».

– «Тогда» на «все еще»?

– В прошлом году я сказал: «Платок, что уронила тогда миссис Флем Сноупс». А теперь я хотел бы переменить это «уронила» на «все еще роняет». Я знаю одного человека, который все еще не прочь его поднять.

А Сноупс за полгода не только выпер из рестораника компаньона, но и самого его там уже не было, а его место за грязной стойкой и в парусиновой палатке занял другой Сноупс, засосанный из Французовой Балки той пустотой, которая образовалась от продвижения первого, – он просочился сюда тем же способом, каким, как сказал Рэтлиф, они заполонили всю Французову Балку, сплошным потоком: каждый Сноупс на Французовой Балке поднимался на одну ступень, оставляя за собой свободное пространство для следующего Сноупса, который являлся неизвестно откуда и занимал его место, и, без сомнения, очередной Сноупс уже был там, хотя Рэтлиф еще не успел съездить туда и убедиться в этом.

Теперь Флем с женой арендовали домик на окраине города, и Флем стал смотрителем городской электростанции, которая приводила в действие водокачку и давала городу ток. Сначала мы просто остолбенели; и не оттого, что Флем получил место, до этого мы тогда еще не дошли, а оттого, что мы до тех пор и не подозревали, что есть такое место, что существует такая должность в Джефферсоне – смотритель электростанции. Потому что с электростанцией – с котлами и машинами, которые приводили в действие насос для водопровода и генератор, – управлялся старый моторист с лесопилки по фамилии Харкер, а за генератором и городской электросетью следил тогда электротехник, которому город платил по контракту, и все шло как по маслу с тех самых пор, как в Джефферсоне появились водопровод и электричество. И вдруг неожиданно на электростанции потребовался смотритель. И так же неожиданно, в то же самое время, какой-то чужак, который не прожил в городе и двух лет и (как мы думали) сроду не видел электрической лампочки до того самого вечера два года назад, когда приехал сюда, стал смотрителем.

Только это нас и удивило, а что этот чужак был Флем Сноупс, мы не удивились. Потому что к тому времени все мы уже видели миссис Сноупс, а видели мы ее редко, только за стойкой в ресторанике, когда она, в таком же засаленном переднике, жарила котлеты, яичницу с ветчиной и жесткие бифштексы на грязной керосинке, – или раз в неделю на площади, где она всегда бывала одна; казалось, она никуда не шла: просто ходила, двигалась в ореоле благопристойности, и скромности, и одиночества, в десять раз более нескромная и в сто раз более волнующая, чем какая-нибудь молодая женщина в купальном костюме, вроде тех, что начали носить в начале двадцатых годов, словно лишь за секунду до того, как тебе на нее взглянуть, одежда настигала и окутывала ее стремительным, мятущимся, бешеным вихрем. Но только на один миг, потому что тотчас же, если идти за ней следом, одежда никла и спадала просто оттого, что шла она так, словно звезда, блуждая по небу, проглянула сквозь мокрые клочья докучливых облаков.

Ну а нашего мэра, майора де Спейна, мы знали давно. В Джефферсоне, штат Миссисипи, да и на всем Юге было в те времена полно людей, которые звались генералами, или полковниками, или майорами, потому что их отцы или деды были генералами, или полковниками, или майорами, или, может, просто рядовыми в армии Конфедерации, или внесли свою лепту в общее дело, с успехом послужив ему на посту губернатора штата. Но отец майора де Спейна действительно был майор кавалерии, и сам де Спейн окончил военную академию в Уэст-Пойнте и отправился воевать на Кубу младшим лейтенантом и вернулся оттуда раненый – длинный шрам тянулся у него от самых волос через левое ухо и через всю щеку, такой

шрам могла оставить сабля или шомпол, – так что мы, естественно, думали, что его ранил в бою какой-нибудь испанец, – или же, как утверждали перед выборами мэра его политические соперники, его рубанул топором какой-то сержант, когда они играли в кости.

Потому что едва он вернулся и снял свою голубую форму, какую носили янки, мы сразу поняли, что он и Джефферсон ни в какую не подходят друг для друга и кому-нибудь придется капитулировать. И уж конечно, не де Спейну: он не сбежит из Джефферсона и даже не подумает приспособливаться к Джефферсону, а постарается так скрутить Джефферсон, чтобы город к нему приспособливался, и – молодежь очень на это надеялась – он добьется своего.

Прежде Джефферсон был как все другие южные городки: здесь не происходило никаких событий с тех самых пор, как последний янки либо убрался восвояси, махнув рукой, либо стал самым настоящим миссисипцем. У нас, как полагается, был мэр и совет олдерменов, которые, как молодежи казалось, сидели на своих местах со времен Ноева ковчега или, уж во всяком случае, с тех пор, как последний индеец племени чикасо отправился в Оклахому в 1820 году, и были тогда такими же старыми, как теперь, и даже не стали старше; мэр, старый мистер Адамс, с длинной, как у патриарха, седой бородой, наверно, казался молодым ребятам, вроде моего двоюродного брата Гауна, едва ли не древнее самого Господа Бога, словно он и в самом деле был первым человеком на земле; и дядя Гэвин говорил, что не одни только мальчишки по двенадцать и тринадцать лет, вроде моего двоюродного брата Гауна, фамильярно называли его «мистер Адам», отбрасывая конечное «с», а его толстую старую жену – «мисс Ева Адам», – впрочем, этой толстой старой Еве давно уже не грозила опасность вызвать у змея или еще у кого-нибудь желание искушать ее.

Нам было любопытно, каким же топором лейтенант де Спейн обтешет углы Джефферсона, чтобы город стал ему в самую пору. И однажды он нашел подходящий топор. Наш электротехник (тот, который следил за генераторами, динамо-машинами и трансформаторами) был гений. Однажды в 1904 году он выехал со своего заднего двора на улицу в первом автомобиле, какой мы видели, сработанном собственными его руками, целиком, от мотора и магнето до спиц, и появился на площади в тот самый миг, когда через нее ехал домой полковник Сарторис в своей банкирской коляске, запряженной кровными рысаками. Хотя полковник Сарторис и его кучер не пострадали и на лошадях, когда их удалось поймать, не было ни царапинки, а коляску электротехник предложил починить (говорили, что он предлагал даже поставить на нее бензиновый мотор), полковник Сарторис самолично выступил на очередном заседании совета олдерменов, и они вынесли указ, запрещающий ездить по улицам Джефферсона на каких бы то ни было средствах передвижения с мотором.

Этим и воспользовался де Спейн. И не он один. Этого только и дожидалось все нынешнее поколение молодых людей, не только в Джефферсоне, но и повсюду, видевшее в этих вонючих шумных самодельных и самодвижущихся драндулетах, которые мистер Баффало (электротехник) мастерил в свободное время из всякой рухляди у себя на заднем дворе, не просто явление, но предзнаменование, будущность Соединенных Штатов. Ему, де Спейну, не нужна была даже предвыборная кампания, чтобы стать мэром: ему нужно было только выставить свою кандидатуру. И старые, выдавшие виды отцы города тоже это поняли, потому-то они и прибегли к отчаянному средству – выдумали, или откопали, или снова повторили (как угодно) эту историю про игру в кости на Кубе и про топор сержанта. И тогда де Спейн покончил с этим раз и навсегда, без всякой политики; сам Цезарь не мог бы сделать это чище.

Это было утром, когда приходит почта. Мэр Адамс и его младший сын Терон, который был моложе де Спейна и даже ненамного его здоровее, а только повыше ростом, выходили с почты, и тут им встретился де Спейн. Вернее, он стоял там, окруженный целой толпой зевак, и уже дотронулся пальцем до своего шрама, когда Адамс его увидел.

– Доброе утро, господин мэр, – сказал он. – Что это за слухи ходят по городу насчет игры в кости и топора?

– Именно этот вопрос и хотели бы задать вам избиратели Джефферсона, сэр, – сказал мистер Адамс. – Если у вас есть доказательства, что это не так и за ними не надо ехать на Кубу, я посоветовал бы вам их представить.

– Я знаю более простой способ, – сказал де Спейн. – Вы, ваша честь, староваты для этого, но Терон уже взрослый малый, с вашего позволения мы с ним сходим в скобяную лавку Мак-каслина, возьмем пару топоров и живо выясним, кто прав.

– Бросьте, лейтенант! – сказал Терон.

– Не беспокойтесь, – сказал де Спейн. – Топоры за мой счет.

– До свиданья, джентльмены, – сказал Терон. И на том они покончили. А в июне де Спейна выбрали мэром. Это был целый переворот, потому что не в том было дело, что он победил, прошел на выборах. В Джефферсоне наступила новая эра, и он был лишь ее поборником, Годфридом Бульонским, Танкредом, джефферсонским Ричардом Львиное Сердце двадцатого века.

Он достойно носил эту мантию. Или нет; то была не мантия: то было знамя, стяг, и он нес его, он уже был впереди, прежде чем мы в Джефферсоне поняли, что готовы идти за ним. Он назначил мистера Баффало городским электротехником и положил ему месячный оклад. Но первое его официальное постановление касалось указа полковника Сарториса насчет автомобилей. Мы, конечно, думали, что он со своими новыми членами городского совета отменит указ хотя бы только потому, что этот старый пень полковник Сарторис велел другому старому пню, мэру Адамсу, издать его. Но они этого не сделали. Как я уже сказал, когда его выбрали, это был настоящий переворот; похоже, что этот разговор насчет топора со старым мэром Адамсом и Тероном возле почты раскрыл глаза всей джефферсонской молодежи. Я хочу сказать – всем тем, которые еще не владели лавкой или хлопкоочистительной машиной или не имели адвокатской или врачебной практики, но были всего лишь приказчиками и счетоводами в лавках, при хлопкоочистительных машинах и в конторах, стараясь скопить достаточно денег, чтобы жениться, и все они дружно провели де Спейна в мэры. И им удалось не только это, они сделали больше: прежде чем они сами поняли или успели подумать, они вытеснили дряхлых олдерменов и залезли на места отцов города, уцепившись за фалды Манфреда де Спейна или хотя бы за этот самый топор. Казалось, они первым делом должны бы навсегда выбросить на свалку этот автомобильный закон, но они, наоборот, велели написать его на куске пергамента, как диплом или грамоту, вставить в рамку и повесить на стену в городском управлении под стеклом с электрической лампочкой, и скоро люди, приезжавшие на автомобилях из самого Чикаго, стали смеяться над ним. Потому что, как сказал дядя Гэвин, в то сказочное, легендарное время автомобиль почитали чудом, это было еще до того, как автомобиль появился у каждого американца и под колесами стало гибнуть больше людей, чем на войне.

Он, де Спейн, сделал даже больше. Он сам пригнал в город первый настоящий автомобиль – красный открытый гоночный автомобиль, продал упряжных лошадей, которые достались ему от отца, разломал стойла, ясли и перегородки и устроил первый в Джефферсоне гараж и автомобильное агентство, так что теперь автомобили могли купить и члены городского совета, и все прочие молодые люди, которым ни один банк не ссудил бы на это и цента ни под какое обеспечение. Да, да, век моторов вступил и в Джефферсон, и де Спейн возглавил шествие в этом красном открытом автомобиле, непривычном и привлекательном, который выглядел таким же закоренелым холостяком и ветреником, каким был сам де Спейн. И каким он всегда останется, один в своем большом деревянном доме, доставшемся ему от отца, с поваром и лакеем в белом сюртуке; он всегда был в первой паре в котильоне, и дамы первым выбирали его, а если бы в те времена уже собирались в кафе завсегдатаи – не аристократы, не четыреста семейств, а именно завсегдатаи кафе – и у нас в Джефферсоне узнали бы про это, он и тут был бы первым; родился он лет через тридцать, из него, наверное, сделали бы приторную олео-

графию и молились бы на него, как молятся на Гейбла, Харлоу и Монро, которых при жизни причислили к лику американских святых.

А миссис Сноупс мы в первый раз увидели, когда она шла по площади и, казалось, тело ее вот-вот, среди бела дня, воспламенит одежду и даже тонкой вуали пепла на нем не останется, и нам казалось, что мы видим судьбу, саму Судьбу, на которую обречены они оба, она и мэр де Спейн. Мы не знали, когда они встретились, когда впервые взглянули друг на друга. Нам это и не нужно было. Мы, можно сказать, и не хотели знать этого. Мы предполагали, конечно, что он приводит ее к себе в дом по ночам какими-то хитрыми путями и способами, но и этого мы не знали наверняка. Будь на его месте кто-нибудь другой, среди нас нашлись бы такие – какой-нибудь мальчишка или юноша, – что всю ночь пролежали бы в засаде, лишь бы узнать все. Но за ним мы не следили. Наоборот, мы были на его стороне. Мы не хотели ничего знать, мы были его союзниками, конфедератами; весь город был его сообщником, помогал ему наставлять рога Сноупсу, хотя мы никак не могли доказать, что не мы сами выдумали все это от начала до конца; мы не раз видели, как де Спейн и Сноупс дружелюбно идут рядом, и в то самое время (хотя мы этого еще не знали) де Спейн уже учреждал или обдумывал, как бы учредить эту должность смотрителя электростанции, – мы-то не знали даже, что у нас ее нет, не говоря уж о том, что она нам нужна, – и потом предоставил ее мистеру Сноупсу. И не то чтобы мы были против мистера Сноупса, мы еще не прочли письма и знамения, которые предупредили, предостерегли, побудили бы нас сплотиться и грудью защищать от него наш город, и мы вовсе не были за супружескую измену, за грех: мы просто были за де Спейна и Юлу Сноупс, зато, что Гэвин называл божественностью простой, безгрешной и безграничной бессмертной страсти, которую они воплощали; за этих двоих, которые нашли друг в друге суженых и поняли, что на всем свете они созданы друг для друга, и мы гордились, что все это разыгралось в Джефферсоне.

Даже дядя Гэвин удивлялся; да, и дядя Гэвин. Он сказал Рэтлифу:

– Наш город не так уж велик. Почему Флем их не поймают?

– Не хочет, – сказал Рэтлиф. – Ему это покамест без надобности.

А потом мы узнали, что город – мэр, совет олдерменов, не знаю уж, кто и как, – учредил должность смотрителя электростанции и назначил на нее Флема Сноупса.

По ночам на электростанции управлялся мистер Харкер, бывший моторист с лесопилки, вместе с Томовым Тэрлом Бьючемом, кочегаром-негром, который разводил огонь в топках котлов, пока мистер Харкер был там и следил за манометрами, потому что Томов Тэрл не мог или не хотел это делать, очевидно не допуская и мысли, что возможна какая-то связь между топкой под котлом и маленькими грязными часиками на котле, которые даже времени не показывают. А днем другой негр-кочегар, Том-Том Бэрд, управлялся на станции один, а мистер Баффало навещался туда хоть и регулярно, но лишь для порядка, так как Том-Том не только топил котлы, он был настолько сведущ, что понимал показания манометров, а также чистил и смазывал паровой двигатель и динамо-машины не хуже мистера Баффало и мистера Харкера; удобней и придумать было нельзя, так как мистер Харкер, человек уже немолодой, не возражал против ночной смены или, может, даже предпочитал ее, а здоровенный как бык Том-Том, который весил двести фунтов и был шестидесяти лет от роду, хотя с виду ему больше сорока не дашь, года два назад женился в четвертый раз на молодой женщине, ревниво заточил ее, как турок, в хижине в двух милях от электростанции, если идти вдоль железнодорожного полотна, и слышать ни о чем не хотел, кроме дневной смены. И хотя к тому времени мой двоюродный брат Гаун тоже стал работать в ночную смену у Харкера, мистер Сноупс уже научился снимать показания с манометров и даже заливать масло в масленки.

Произошло это года через два после того, как он стал смотрителем электростанции. Гаун решил с осени начать играть за нашу футбольную команду, и ему взбрело в голову – по-моему, он и сам не знал, с чего, – что подбрасывать по ночам на электростанции уголь в топку – это

прекрасная тренировка, и он там живо научится обводить противника и перехватывать мяч. Мама и папа не были с этим согласны, пока не вмешался дядя Гэвин. (Он к этому времени окончил Гарвардский университет и был магистром искусств, а еще окончил юридический факультет университета в Миссисипи, был принят в коллегия адвокатов, и так как дед уже почти не занимался делами, прокурором города, можно сказать, был дядя Гэвин; прошел целый год – это было в июне, он только что вернулся из университета и в то лето еще не видел миссис Сноупс – с тех пор как он стал поговаривать о Гейдельберге, просто так, для красного словца.)

– Почему же нет? – сказал он. – Гауну пошел четырнадцатый год: пора уж ему проводить ночи вне дома. А разве найдешь более подходящее место, чем электростанция, где мистер Харкер и кочегар не дадут ему заснуть?

Гаун стал подручным Томова Тэрла, и мистер Харкер с первой же ночи не давал ему заснуть, все говорил о мистере Сноупсе, говорил с каким-то бесстрастным удивлением, как человек, видевший столкновение планет, стал бы рассказывать об этом. Мистер Харкер сказал, что началось это в прошлом году. Однажды Том-Том вычистил топки и сидел в коридоре, курил трубку, котлы топились, и из предохранительного клапана в среднем котле вырывался пар, и тут входит мистер Сноупс, встал и стоит, жует да поглядывает на свистящий клапан.

– Сколько весит этот свисток? – спрашивает.

– Ежели вы об этом вот клапане спрашиваете, то фунтов десять, – говорит Том-Том.

– Литая медь? – спрашивает мистер Сноупс.

– Все целиком, кроме той дырочки, через которую он, как вы сказали, свистит, – говорит Том-Том.

И, как сказал мистер Харкер, этим покамест дело и кончилось; а через два месяца он, мистер Харкер, пришел вечером на дежурство и увидел, что со всех трех котлов исчезли предохранительные клапаны и на их место ввинчены дюймовые стальные болты, которые могут выдержать давление в тысячу фунтов, а Томов Тэрл знай себе шурует уголь в топках, потому что не слышит свистка.

– А днища всех трех котлов можно соломиной проткнуть, – сказал мистер Харкер. – Когда я взглянул на манометр первого котла, то был уверен, что отправлюсь на тот свет, прежде чем успею схватиться за регулятор.

И когда я наконец вдолбил Тэрлу в голову, что сто на этом циферблате означает, что он, Тэрл, не только потеряет работу, но потеряет ее так основательно, что никто уже не найдет ни его, ни работы, я настолько успокоился, что спросил, куда же подевались эти клапаны.

– Их взял мистер Сноупс, – сказал он.

– Но за каким дьяволом?

– А я почем знаю? Я только говорю то, что слышал от Том-Тома. Он сказал, что мистер Сноупс сказал, что поплавков в баке на водокачке слишком легкий. Сказал, что бак скоро начнет течь и он, мол, хочет приладить эти три предохранительных клапана на поплавки, чтоб он стал потяжелее.

– Ты хочешь сказать... – говорю я. И тут у меня застопорилось. – Ты хочешь сказать...

– Это Том-Том так сказал. А сам я знать ничего не знаю.

Как бы там ни было, а клапаны исчезли; в баке они или нет, тогда, среди ночи, выяснить было нельзя. Мы с Тэрлом малость успокоились, когда давление упало и все кое-как обошлось. Но ей же богу, мы всю ночь глаз не сомкнули. До утра просидели на угольной куче, откуда были видны все три манометра. И с самой полуночи, после того как упало давление, во всех трех котлах не хватило бы пара, чтобы раскалить жаровню для орехов. И даже когда я пришел домой и лег в кровать, спать я не мог. Только закрою глаза, мне сразу видится манометр величиной с таз, и красная стрелка с угольную лопату ползет к ста фунтам, и я просыпаюсь с криком, весь в поту.

А когда рассвело, я не стал посылать Тэрла: я сам залез на водокачку и осмотрел поплавки. На нем не было никаких клапанов, и, может, мистер Сноупс и не собирался привязывать их там, на виду, где всякий может их взять. И хоть бак этот глубиной в сорок два фута, я все же мог бы открыть кран и спустить воду. Но только я ведь простой моторист, а мистер Сноупс – смотритель электростанции, и уже началась дневная смена, и я знал, что, если Джо Баффало зайдет и увидит вместо клапанов эти тысячефунтовые болты, Том-Том ему объяснит все как есть.

Так что я пошел домой, а на другую ночь насилу мог заставить Тэрла поднять давление пара настолько, чтобы сдвинуть с места поршень, не говоря уж о том, чтоб вертеть динамо-машины; и еще через ночь то же самое, и еще, и так прошло дней десять, а потом с товарной станции доставили ящик; Том-Том дожидался на электростанции, и мы вдвоем вскрыли ящик (на нем большими черными буквами было написано: «Наложенным платежом», но ярлык был сорван и исчез. «Я знаю, куда он его бросил», – сказал Том-Том), вывинтили болты и поставили новые предохранительные клапаны, а Том-Том и впрямь нашел скомканный ярлык: «Мистеру Флему Сноупсу, электростанция, Джефферсон, штат Миссисипи, наложенным платежом, двадцать три доллара восемьдесят один цент».

Но было в этом деле кое-что такое, чего не знал сам мистер Харкер, пока дядя Гэвин ему не рассказал, после того как Том-Том рассказал дяде Гэвину: однажды, когда Том-Том сидел на угольной куче и курил трубку, вошел мистер Сноупс, неся что-то, Том-Том сперва подумал, что это подкова третий номер для мула, но мистер Сноупс отнес эту штуку в угол за котлы, где была целая груда негодных деталей – клапанов, стержней, втулок, которая накопилась, может, еще с того времени, когда в Джефферсоне впервые загорелся электрический свет; и, встав на колени, он (мистер Сноупс) каждую деталь пробовал магнитом и раскладывал их на кучки в проходе. А потом Том-Том видел, как он перепробовал магнитом каждый обломок металла в котельной, отделяя железо от меди. А потом Сноупс велел Том-Тому собрать медь и снести ее в контору.

Том-Том собрал медь в ящик. Сноупс ждал в конторе – сидел там и жевал. Том-Том сказал, что он ни на миг не переставал жевать и даже не сплюнул ни разу.

– Ты как с Тэрлом, ладишь? – спросил он.

– Я знаю свое дело, – ответил Том-Том. – А что делает Тэрл, это меня не касается.

– А вот Тэрл думает иначе, – сказал мистер Сноупс. – Он хочет, чтоб я перевел его в дневную смену. Говорит, что устает работать по ночам.

– Пускай поработает с мое, тогда и переходит в дневную смену, – сказал Том-Том.

– Тэрл не намерен дожидаться так долго, – сказал мистер Сноупс. А потом он рассказал Том-Тому, что Тэрл хочет украсть с электростанции железо и свалить на Том-Тому, чтоб его выгнали. Да, да. Том-Том говорил дяде Гэвину, что мистер Сноупс именно так и сказал: железо. Может быть, мистер Сноупс до того дня не слышал о магните и поэтому думал, что и Том-Том никогда о нем не слышал и не понимает, что он делал. Я хочу сказать, не слышал ни о магнитах, ни о меди и не мог отличить медь от железа. Или, может, он просто думал, что Том-Тому, поскольку он негр, на это наплевать. Или, может, поскольку он негр, то, знает он или нет, наплевать ему или нет, он не станет совать нос в чужие дела, особенно если тут замешан белый. Только об этом уж мы, конечно, могли лишь догадываться. И это было не так уж трудно. Том-Том стоял, здоровенный, черный, голову нагнул – вылитый черный бык, да и глядел он по-бычьи. А Тэрл, наоборот, был цвета кожаного седла, и даже с целой лопатой угля в руках он едва ли потянул бы больше полутора фунтов. – Вот что он задумал, – сказал Сноупс. – Поэтому я хочу, чтобы ты отнес все это к себе домой, и смотри никому ни слова. А я скоро соберу улики против Тэрла и выгоню его вон.

– Я знаю способ получше, – сказал Том-Том.

– Это какой же способ? – сказал Сноупс. А потом он сказал: – Нет, это не пойдет. Если ты затеешь скандал с Тэрлом, я выгоню вас обоих. Делай, как я тебе говорю. Если, конечно, тебе не надоело здесь работать и ты не хочешь уступить место Тэрлу. Хочешь?

– Кажется, пары я развожу исправно, никто еще не жаловался, – сказал Том-Том.

– Тогда делай, как я тебе говорю, – сказал Сноупс. – Снеси все это сегодня вечером домой. Да так, чтоб никто не видел, даже твоя жена. А ежели не хочешь, так и скажи. Я, пожалуй, найду кого-нибудь поговорчивей.

Том-Том послушался. И всякий раз, когда скапливалась куча негодных деталей, он видел, как Сноупс пробовал их магнитом и откладывал горку меди, а Том-Том нес ее домой и прятал. Потому что Том-Том работал кочегаром сорок лет, с тех самых пор, как стал взрослым, а эти три котла топил уже двадцать лет, и он же в первый раз развел под ними огонь. Сперва он топил один котел и получал за это пять долларов в месяц. Теперь котлов стало три, и он получал шестьдесят долларов в месяц, и ему было шестьдесят лет, и у него был собственный домик и клочок земли, засеянный кукурузой, и мул, и пролетка, на которой он ездил в церковь по два раза каждое воскресенье при золотых часах и с молодой женой, и к тому же это была последняя молодая жена, которую ему, вероятно, суждено было иметь.

Но в то время мистер Харкер знал только, что металлический хлам постепенно накапливается в углу за котлами, а потом вдруг исчезает за одну ночь, и теперь он каждый вечер повторял одну и ту же шутку – торопливо входил на электростанцию и говорил Тэрлу: «Ну, я вижу, машинка еще работает. Там во втулках и цапфах много меди, да только они слишком быстро вертятся, магнит к ним не приставишь. Но в этом нам, пожалуй, повезло. Он, пожалуй, продал бы и котлы, ежели б знал, как тебе с Том-Томом без них поддерживать пары».

И он, мистер Харкер, рассказал, что было потом, после Нового года, когда в городе была ревизия.

– Приехали сюда двое в очках. Проверили счетные книги и стали всюду совать нос, все подсчитывали и записывали. А потом вернулись в контору, и в шесть, когда я пришел, они еще были там. Кажется, чего-то у них не хватало: кажется, какие-то старые медные детали были записаны в книгах и этой меди не нашли, или что-то в этом роде. По книгам они числились, и новые клапаны, и всякие мелкие части были налицо. Но провалиться мне на этом месте, если они нашли хоть одну старую деталь, кроме какой-то паршивой затычки, которая случайно завалилась куда-то, где магнитом ее было не достать, наверное, под скамью закатилась. Странное дело. Мы с ними снова пошли на электростанцию, и я держал фонарь, а они снова шарили во всех углах и здорово извозили в саже, дегте и копоты свои белые рубашки. Но вся эта медь, ясное дело, как в воду канула. С тем они и ушли.

А на другое утро приходят снова. И с ними чиновники из городского управления, и они требуют мистера Сноупса, но им пришлось дожидаться, покуда он пришел в своей клетчатой кепке, с табачной жвачкой во рту, жует и глядит на них, а они бормочут и мнутя, никак не решаются ему сказать. А потом рассыпаются в извинениях и снова мнутя и бормочут, – им, мол, право, неловко, но ничего другого не оставалось, как обратиться к нему как к смотрителю электростанции; угодно ли ему, чтобы меня, Тэрла и Том-Томы арестовали немедленно, или можно обождать до завтра? А он стоял и жевал, и глаза у него были, как две капли из масленки на куске сырого теста, а ревизоры все рассыпались перед ним в извинениях.

– Сколько всего? – спросил он.

– Двести восемнадцать долларов пятьдесят два цента, мистер Сноупс.

– Полностью?

– Мы два раза проверили, мистер Сноупс.

– Хорошо, – говорит он. Лезет в карман, достает деньги и выкладывает двести восемнадцать долларов пятьдесят два цента наличными и просит расписку.

А на другое лето Гаун стал подручным Тэрла, так что теперь Гаун сам все видел или слышал от Тэрла, так сказать, из первых уст; однажды вечером мистер Сноупс вдруг появился в дверях котельной и поманил пальцем Тэрла, и теперь уже Тэрл и Сноупс очутились с глазу на глаз в конторе.

– Что там у тебя за неприятности с Том-Томом? – спросил он.

– У меня с ним? – сказал Тэрл. – Ежели бы я мог устроить Том-Тому неприятности, он давно ушел бы со станции и поступил еще куда-нибудь, хоть официантом. Чтобы была неприятность, нужны двое, а Том-Том только один, хоть и здоровенный как бык.

– Том-Том думает, что ты хочешь перейти в дневную смену, – сказал мистер Сноупс.

У Тэрла глаза забежали.

– Я управляюсь с лопатой не хуже Том-Тома, – сказал он.

– И Том-Том это знает, – сказал мистер Сноупс. – Он знает, что становится стар. Но при этом он знает, что никто, кроме тебя, не может отнять у него работу. – И тут мистер Сноупс рассказал Тэрлу, как Том-Том уже целых два года ворует медь с электростанции, а вину хочет свалить на Тэрла, чтоб его выгнали; и не далее как сегодня Том-Том говорил ему, мистеру Сноупсу, что Тэрл вор.

– Врет он, – сказал Тэрл. – Раз я не крал, ни один черномазый не может обвинять меня, хоть он и здоровенный.

– Конечно, – сказал мистер Сноупс. – Ну так вот: надо вернуть эту медь.

– Это не по моей части, – сказал Тэрл. – За это мистеру Баку Коннорсу деньги платят.

А Бак Коннорс был городской шериф.

– Ну, тогда не миновать тебе тюрьмы, – сказал Сноупс. – Том-Том скажет, что и знать не знал об этой меди. И выйдет, что единственный, кто о ней знал, это ты. Как по-твоему, что подумает мистер Коннорс? Получится, что ты один знал, где она была спрятана, и Бак Коннорс поймет, что даже у дурака хватит ума не прятать краденое в собственном сарае. Тебе только одно и остается – принести медь назад. Сходи туда днем, когда Том-Том на работе, возьми ее и притащи мне, а я ее спрячу, и у меня будет улика против Том-Тома. Или, может, ты не хочешь работать в дневную смену? Тогда так и скажи. Я найду кого-нибудь другого.

Потому что Тэрл не проработал кочегаром сорок лет. И вообще он столько лет не проработал, потому что ему было всего тридцать. Но, будь ему даже все сто, и тогда никто не мог бы упрекнуть его в том, что он сорок лет работал.

– Разве только если принять в соображение, сколько он шлялся по ночам, – сказал мистер Харкер. – Если Тэрл когда-нибудь, на свое несчастье, женится, ему все равно придется залезать в собственный дом через окно, а то он даже знать не будет, зачем пришел. Правда, Тэрл?

Так что, как сказал мистер Харкер, это была не столько вина Тэрла, сколько ошибка Сноупса.

– Ошибка эта была в том, – сказал мистер Харкер, – что Сноупс позабыл вовремя вспомнить о молодой светлокожей жене Том-Тома. Подумать только, из всех джефферсонских негров он выбрал именно Тэрла, который хоть раз непременно залезал – или пытался залезть – в окно к каждой девушке на десять миль окрест, и послал его к Том-Тому домой, когда он знал, что Том-Том все это время до шести часов под присмотром самого мистера Сноупса шурует уголь, а потом пойдет пешком домой за две мили, и воображал, что Тэрл будет там зря терять время (Гаун теперь работал всю ночь. Ничего не поделаешь: надо же было Тэрлу поспать в угольной яме после полуночи. К тому же Тэрл худел, а для него это было еще хуже, чем бессонница) и шарить где-нибудь, кроме как в постели у Том-Тома. И когда я думаю о Том-Томе, который шурует в топках, а Тэрл ему тем временем по-дружески наставляет рога, совсем как мэр де Спейн с миссис Сноупс, если верить твоему дяде, и при этом Том-Том еще ворует медь, чтобы Тэрл не отнял у него работу, а Тэрл все это время среди бела дня трудится за Том-Тома у него на дому, мне кажется, что я сейчас лопну.

Но ему это не грозило: мы все знали, что так не может долго продолжаться. Неизвестно было только, что раньше: Том-Том поймает Тэрла, или мистер Сноупс поймает Тэрла, или же мистера Харкера действительно хватит удар. Победил мистер Сноупс. В тот вечер, когда мистер Харкер, Тэрл и Гаун пришли заступать смену, он стоял в дверях конторы; он снова поманил Тэрла пальцем, и снова они очутились с глазу на глаз в конторе.

– Ну, теперь нашел? – сказал Сноупс.

– Когда это – теперь? – сказал Тэрл.

– Сегодня в сумерки, – сказал мистер Сноупс. – Я стоял за углом сарая, когда ты прокрался через поле и залез в окно.

Тут у Тэрла глаза забегали.

– Может, ты не там ищешь, – сказал мистер Сноупс. – Ежели Том-Том спрятал это железо у себя в кровати, ты еще три недели назад должен был его найти. Поищи еще раз. А ежели и тогда не найдешь, я, пожалуй, попрошу Том-Тома тебе помочь.

Теперь у Тэрла глаза забегали еще быстрее.

– Завтра я там пробуду часа на три или четыре больше обычного, – сказал он. – Задержите Том-Тома, куда я не вернусь.

– Ладно, это моя забота, – сказал Сноупс.

– Покрепче его держите, пока я сам сюда не явлюсь, и ежели меня долго не будет, все равно ждите.

– Ладно, это уж моя забота, – сказал Сноупс.

И на этом дело кончилось. На другой вечер Гаун и мистер Харкер пришли на электростанцию, и вдруг мистер Харкер быстро оглядел котельную. Но не успел он и слова сказать, а мистер Сноупс уж стоит в дверях конторы и спрашивает: «Где Том-Том?» Потому что в тот вечер смены ждал не Том-Том, а другой негр, который топил котлы по воскресеньям, пока Том-Том возил свою молодую жену в церковь; Гаун сказал, что мистер Харкер сказал:

– Сто чертей, – а сам уже рванулся с места, пробежал мимо мистера Сноупса в контору и схватил телефонную трубку. А потом снова выскочил из конторы и на бегу крикнул Гауну: – Договорился с Отисом! – Это его племянник, или двоюродный брат, или кем он там ему приходится, который поступил на его место на лесопилку, он заменял Харкера у котлов, когда тот хотел освободиться на ночь. – Отис через пятнадцать минут придет. А до тех пор управляйся сам как можешь.

– Пойдите, – сказал Гаун. – Я с вами.

– К дьяволу, – сказал мистер Харкер, не останавливаясь. – Я первый заметил, – и уже выбежал с заднего двора, откуда колеи, проложенные угольными повозками, вели на дорогу, по которой Том-Том ходил каждый день утром и вечером из дому на работу и обратно, и теперь он (мистер Харкер) бежал в лунном свете, потому что было почти полнолуние. И на другой вечер все было залито лунным светом, когда мистер Харкер и Тэрл мирно пришли в урочный час, чтобы сменить Том-Томова заместителя.

– Да, брат, – сказал мистер Харкер Гауну. – Я подоспел как раз вовремя. Понимаешь, Тэрл вовсе ополоумел. Он туда отправился в последний раз. Решился найти эту медь или вернуться и сказать мистеру Сноупсу, что не может ее найти: в любом случае эта сельская идиллия должна была кончиться. Так что я подоспел в самое время – он как раз пробрался через кукурузное поле, дошел до окна, весь в лунном свете, и влезал в него; и ему как раз хватило времени прокрасться через комнату до кровати, откинуть одеяло, ухватить лакомый кусочек и сказать: «Радость моя, лежи смирно. Папочка пришел». И Гаун сказал, что даже тогда, через сутки, он был напуган и удивлен не меньше, чем Тэрл, который был уверен, что Том-Том в этот миг на электростанции, в двух милях от дома, и останется там, куда он (Тэрл) не придет его сменить, а когда откинул одеяло, то увидел, что Том-Том, совершенно одетый, лежит на кровати и в руке длинный нож, какими мясники скот режут.

– В самое время, – сказал мистер Харкер. – Точно по расписанию, как два паровоза, везущие товарные поезда. Том-Том изготовился прыгнуть, а Тэрл повернулся и давай бог ноги – выскочил из дома, на лунный свет, а Том-Том со своим ножом на нем верхом, и они были совсем... как это называется такой двойной зверь, наполовину конь, наполовину человек, какие бывают на картинках в старинных книгах?..

– Кентавр, – подсказал Гаун.

– ...так вот, они были совсем как кентавр, который скачет на задних ногах и норовит самого себя обскакать, с длиннющим ножом в переднем копыте, а потом они с лунного света нырнули в лес. Да, брат, Том-Том куда здоровее Тэрла, но, ей же богу, Тэрл вез его на себе. Ежели б он хоть на миг остановился, этот нож сам воткнулся бы в него, хотел этого Том-Том или нет.

– Том-Том здоровенный как бык, – рассказывал потом Тэрл. – Раза в три здоровей меня. Но я его вез. Пришлось. Как оглянусь да увижу – нож блестит, чувствую, что могу подхватить еще двух таких, как он, и резвости ничуть не убавится. – Тэрл рассказывал, что сначала он просто бежал; и только когда он – или они – очутились меж деревьев, он подумал, что можно стряхнуть Том-Тома, стукнув его о ствол дерева. – Но он держался крепко, хоть и одной рукой, и я, как попробую стукнуть его о дерево, сам вместе с ним стукаюсь. И мы скакали дальше, а нож все сверкал под луной, и у меня было одно спасение – бежать. А Том-Том уже начал вопить, на землю проситься. Теперь уж он обеими руками держался за меня, и я понял, что как-никак, а от ножа я убежал. Но больно уж сильный я взял разгон; ноги меня не слушались, а уж Том-Тома и подавно, хоть он и орал во всю глотку. И тогда он ухватил меня обеими руками за голову и давай ее поворачивать, словно я был невзнузданный сбесившийся мул, тут уж и я овраг увидел. Он был глубиной футов в сорок и шириной казался в добрую милю, но только было уже поздно. Мои ноги даже не замедлили бег. Они пробежали в пустоте вот как отсюда до той угольной кучи, прежде чем мы начали падать. И они все еще загребали лунный свет, когда мы с Том-Томом грохнулись на дно.

Гаун первым делом поинтересовался, чем Том-Том заменил брошенный нож. И Тэрл ему сказал. Ничем. Просто они с Том-Томом сидели в лунном свете на дне оврага и разговаривали. И дядя Гэвин это объяснил: это священный трепет, прозрение, которое всякое животное, в том числе и человек, не просто обретает, но получает в награду, испытав невыносимые переживания, например, бешеную ярость или бешеный страх, и они оба сидели там, и не то было важно, что один из них, как говорил дядя Гэвин, дружески наставил другому рога, а то, что они заключили между собой нерушимый союз: в дом Том-Тома забрался не Томов Тэрл, а Флем Сноупс; жизнь Тэрла была в страшной опасности, но угрожал ему не Том-Том, а Флем Сноупс.

– Вот что было, когда я подросел, – сказал мистер Харкер.

– Вы? – сказал Гаун.

– Он нам пособил, – сказал Тэрл.

– Как бы не так, – сказал мистер Харкер. – Вы, видно, уже забыли оба, что я сказал вам вчера вечером там, в овраге. Я знать ничего не знаю и знать не хочу, хоть режьте меня, понятно?

– Ну ладно, – сказал Гаун. – А потом что?

И Тэрл рассказал, как они с Том-Томом вернулись в дом, и Том-Том освободил свою жену, которую привязал к стулу на кухне, и они втроем запрягли мула, вынесли медь из сарая и погрузили в повозку. Ее было почти полтонны; они перевозили ее всю ночь, до самого утра.

– Куда перевозили? – спросил Гаун.

Но потом он, как он сказал, решил – пусть мистер Сноупс сам об этом спросит; уже светало, и вскоре Том-Том свернул с дороги и пошел по колеям, неся ведро с обедом, чтобы заступить в дневную смену; и вот уж Том-Том подошел совсем близко, здоровенный, с маленькой, упрямой, круглой, как пушечное ядро, головой на длинной шее, и тут все обернулись и увидели, что мистер Сноупс стоит в дверях котельной. И Гаун сказал, что даже мистер Сноупс,

видимо, понимал, что станет попусту терять время, если поманит кого-нибудь из них пальцем; и он прямо сказал Тэрлу:

– Ты почему ее не нашел?

– Потому что ее там не было, – сказал Тэрл.

– А ты почему знаешь, что ее там не было? – спросил мистер Сноупс.

– Мне Том-Том сказал, – ответил Тэрл.

Потому что теперь уж ни к чему было терять время. Мистер Сноупс поглядел с минуту на Том-Тома, а потом говорит:

– Куда вы ее подевали?

– Мы ее положили туда, где, как вы сказали, ей быть положено, – сказал Том-Том.

– Мы? – сказал мистер Сноупс.

– Да, мы с Тэрлом, – сказал Том-Том.

И тогда мистер Сноупс еще с минуту поглядел на Том-Тома и говорит:

– А когда я это говорил?

– Когда сказали, куда вы хотите девать предохранительные клапаны, – сказал Том-Том.

Хотя к тому времени вода в баке уже сильно отдавала медью и пора было кому-нибудь заняться этим, опорожнить бак и очистить его, мистер Сноупс и не подумал это сделать. Потому что он уже больше не был смотрителем электростанции, ушел в отставку «в интересах службы», как сказал бы мистер де Спейн, когда он еще был лейтенантом де Спейном, и теперь мог сидеть целыми днями на галерее своего домика, который арендовал на окраине города, и глядеть на бак, видневшийся над джефферсонскими крышами, – глядеть на свой памятник, как подумали бы некоторые. Но это не был памятник: это был след ноги. Памятник означает только: *«Вот чего я достиг»*, а след: *«Вот где я был, когда двинулся дальше»*.

– И даже тогда он этого не сделал? – сказал дядя Гэвин Рэтлифу.

– Даже тогда, – сказал Рэтлиф. – Он не накрыл жену с Манфредом де Спейном, и для него это все равно как если человек приколет двадцать долларов булавкой изнутри к рубашке, когда отправляется в первое плавание и надеется, что оно приведет его в мемфисский публичный дом. Ему пока незачем отстегивать эту булавку.

2

Гэвин Стивенс

Однако он еще не отстегнул булавку. И мы все недоумевали – на что же он живет, на какие деньги, сидя (как нам казалось) изо дня в день, все лето на ветхой галерее снятого им домика и глядя на водопроводный бак. И пока городские власти не додумались спустить воду и вычистить бак, чтобы уничтожить привкус меди в воде, мы даже не знали, сколько медных частей он отдал одному из негров-кочегаров, чтобы принудить другого помогать ему красть, и как оба эти негра, стакнувшись ради сохранения собственной шкуры, спрятали эти медяшки в бак, откуда он их не мог, не посмел вытащить.

Да и теперь мы не знаем, все ли медные части оказались там. Никогда нам не узнать, сколько именно он украл и продал на стороне (я хочу сказать – пока он не заставил Том-Тома или Тэрла пособлять ему), до того или после того, как кто-то (наверное, Баффало, потому что, если бы старик Харкер заметил, что частей не хватает, он, наверно, обставил бы Сноупса и загнал бы их сам, потому что, сколько бы он ни притворялся, что ему просто интересно наблюдать, на самом деле он клял себя за свою слепоту) сообщил в муниципалитет и напустил ревизоров на электростанцию. Знали мы только то, что в один прекрасный день все три предохранительных клапана с котлов пропали; нам оставалось только предположить, вообразить, что произошло потом: Манфред де Спейн – именно Манфред – посылает за ним и говорит: «Вот что, братец, – или «док», или «дружище», – словом, кто его знает, как Манфред называл своего... ну, скажем, напарника, может быть, даже «инспектором». – Вот что, инспектор, тут на двадцать три доллара и восемьдесят один цент медных частей, – он, конечно, сначала заглянул в каталог, прежде чем за ним послать, – ... пропало во время вашего правления, которое вы, конечно, желали бы сохранить незапятнанным, как жену Цезаря: а их можно просто прислать наложенным платежом». И, по словам Харкера, два ревизора мялись и мычали два дня, пока не собрались с духом и не сказали Сноупсу, на какую сумму, по их разумению и расчету, пропало медных частей, после чего Сноупс выложил деньги из своего кармана и заплатил им.

Значит, при окладе в пятьдесят долларов эта должность обошлась Сноупсу в двести сорок два доллара и тридцать три цента его собственных, можно сказать, кровных денежек. Так что если бы он даже скопил все свое жалованье до единого цента, за вычетом тех двухсот с чем-то долларов, и если бы, предположим, он сумел за это время украсть медных частей еще на две сотни, то все равно на это недолго можно было бы содержать семью. И все же вот уже два года, как он сидел на своей галерее и смотрел (как нам казалось) на водонапорный бак. Ну я и спросил про это у Рэтлифа.

– А он хозяйство разводит, – сказал Рэтлиф.

– Разводит? – сказал (ну ладно, крикнул) я. – Что он может разводить? Он же от зари до зари сидит на галерее, смотрит на этот бак.

– Он Сноупсов разводит, – объяснил Рэтлиф. Разводит Сноупсов: весь ихний род, целиком, весь, скопом, подымается со ступеньки на ступеньку, вслед за ним, только вот тот из них, которому достался по наследству ресторан, вовсе и не Сноупс. Несомненно и неоспоримо, он не Сноупс; даже оспаривать это недопустимо, оскорбительно и никак, ни в какой мере непростительно, ибо его матушка, как и ее фантастическая родственница по мужу, в следующем поколении, вероятно и даже наверняка, должна была, по выражению старинного буколического поэта, «распоряжа чресла свои» перед тем, как выйти замуж за того Сноупса, который считался законным отцом Эка.

Это его так звали – Эк. Тот самый, с переломанной шеей, он таким и пришел в наш город, когда заступил на место Флема, – в стальном ошейнике на кожаных ремнях. Ничего похожего

на Сноупсов. Рэтлиф рассказывал, что случилось это с ним на лесопилке. (Понимаете, даже его родичи, и Флем тоже, знали, что он не Сноупс: и его загнали на лесопилку, где и хозяин-то должен быть финансовым гением, чтобы избежать банкротства, а жулику там вообще делать было нечего, потому что воровать можно только лес, а стибрить вагон тесу – это все равно что стибрить стальной сейф или вот... ну да, этот самый водонапорный бак.)

Вот Флем и послал Эка на лесопилку дядюшки Билла Уорнера (иначе, как мне кажется, оставалось только усыпить или пристрелить его, как больного пса или негодного мула), и Рэтлиф рассказывал так: однажды Эк сказал, что за доллар на брата он и один из рабочих-негров (из тех, что поздоровее и, конечно, поглупей) подымут громадный кипарисовый ствол и положат его под пилу. Так они и порешили (я ведь уже говорил, что один из них был не из Сноупсов, а другой не из умников) и уже подняли было ствол, когда негр поскользнулся, что ли, словом, упал, и тут бы Эку только взять и выпустить свой конец и отскочить из-под бревна. Но он-то был не таков: уж не говоря о Сноупсах, но и вообще где нашелся бы такой черт, который уперся бы плечом и держал свой конец, принял на себя удар: негр грохнул свой конец оземь, а Эк все держал бревно, пока кто-то не догадался вытащить негра.

Но и тут у него не хватило обыкновенной смекалки, уж не говорю сноупсовской: ему надо бы отскочить, сообразить, что даже Джоди Уорнер не заплатит ему ни черта за спасение своего, уорнеровского негра: а он стоит, держит на себе все это треклятое бревно, у самого изо рта уже кровь пошла, хорошо, что кто-то сообразил подпереть бревно поленом и вытащить его оттуда, и он сидел, весь скорчившись, под деревом, плюя кровью и жалуясь на головную боль. («Только не говорите мне, что ему заплатили тот доллар, – сказал, ну ладно, крикнул я Рэтлифу, – только не говорите!»)

Никакой он не Сноупс, этот Эк: жил он теперь с женой и сыном в палатке, за рестораном, ходил в засаленном фартуке и в своем ошейнике из стали с кожей (стоя за прилавком, он жарил на закопченной керосинке яичницу и мясо, хотя из-за жесткого ошейника не мог видеть, как оно прожарилось, и жарил просто по слуху, как играет слепой пианист), правда, и тут ему тоже было не место, еще меньше, чем на лесопилке, потому что там он мог только переломать себе кости, а тут он угрожал сломать давнюю традицию всего семейства – упорное и непреклонное хищничество, и все из-за немыслимого и наивного предположения, что люди бывают честными и смелыми, и причина тому простая: если будет иначе, все будут жить в страхе и смятении; именно так он вдруг и сказал, и не потихоньку, а вслух, громко, при чужих людях, даже не родственниках Сноупсам: «Ведь в котлеты как будто полагается класть мясо, верно? Не знаю, что мы сюда пишаем, но уж никак не мясо!»

Ну и, разумеется, они – а когда я говорю «они», я подразумеваю Сноупсов, а когда в Джефферсоне говоришь «Сноупсы», это значит Флем Сноупс, – они его выгнали. Иначе было нельзя, здесь он был просто неприемлем. Но, конечно, тут же встал вопрос: а где в Джефферсоне, то есть не в джефферсонском хозяйстве, а в сноупсовском (да, да, когда говоришь в Джефферсоне «Сноупс», это значит Флем Сноупс) хозяйстве, он будет приемлем, где Сноупсам от него не будет вреда? Рэтлиф и это знал. То есть все в Джефферсоне знали, потому что через двадцать четыре часа всему Джефферсону стала известна эта фраза насчет котлет, и, конечно, все понимали, что с Эком Сноупсом что-то надо сделать, и сделать поскорее, и, конечно (он был лицо заинтересованное), как только сам Флем узнал, так и другие тоже узнали, что и как. То есть мне об этом сказал Рэтлиф. Вернее, кто, как не Рэтлиф, должен был мне все рассказать: Рэтлиф, с этой своей непроницаемой физиономией, с этими своими лукавыми, ласковыми, невинными и умными глазами, чересчур невинными, чересчур умными.

– Служит ночным сторожем при нефтехранилище Ренфро, около вокзала. Ему там не придется шею напрягать, там не надо наклоняться к плите, смотреть, отчего это гарью запахло. Да и задирать голову не надо, глядеть – стоит ли бак на месте или нет, только и дела, что подойти да пощупать – цело дно или прохудилось. А то и просто посиживай себе на стуле

у дверей и посылай своего мальчишку посмотреть. Этого, что похож на жеребенка, – сказал Рэтлиф.

– Кого-кого? – сказал, нет, крикнул я.

– Жеребенка, – сказал Рэтлиф. – Я про сынишку Эка. Про Уоллстрита-Панику. Я там тоже был, в день, когда тот малый из Техаса продавал с торгов диких сноупсовских лошадей. Темень непроглядная, а мы только что поужинали у миссис Литтлджон, я уже совсем собрался лечь, стал раздеваться у себя в комнате, а тут Генри Армстид и Эк с мальчишкой пошли в загон – вылавливать своих лошадей; у Эка их было две: одну ему подарил этот самый техасец, для начала аукциона, а вторую Эк стал приторговывать, он считал, что так надо, раз первая ему даром досталась, ну он и эту купил. А когда Генри Армстид позабыл закрыть ворота и весь табун чуть его не затоптал и вылетел вон, тут Эку, наверно в первый раз в жизни, пришлось сразу решать трудную задачу – за какой же лошастью ему гнаться: за той ли, что ему подарил техасец, то есть за чистой прибылью, если ее удастся поймать, либо за той, на которую он уже израсходовал не то пять, не то шесть долларов кровных денежек; то есть решить, что дороже стоит – сто процентов даровой лошади или же сто процентов шестидолларовой? Вернее, не лучше ли рискнуть той лошастью, которая, ежели ее даже поймаешь, уже стоила тебе шесть долларов, а поймать ту, которая будет тебе чистой прибылью?

А может, он решил, чтобы они с мальчишкой разделились и погнались за обеими лошадьми, пока он будет высчитывать. Словом, только я снял брюки и в одной рубашке выглянул в окно – узнать, что там стряслось, как вдруг слышу какой-то шум, оборачиваюсь – а в дверях – лошадь, стоит смотрит на меня, а за ней в коридоре этот мальчишка, сын Эка, с веревкой в руках. Наверно, мы все тут сразу бросились: я – из окошка в одной рубашке, лошадь – опростелась назад, по коридору, гляжу – на мне брюк нет, лечу вокруг дома, к дверям, а тут – миссис Литтлджон, идет по веранде навстречу лошади, в одной руке охапка белья, в другой стиральная доска; рассказывали, будто она только и сказала: «Кыш отсюда, сукина дочь!» – да как треснет лошадь по морде доской, доска пополам, она ее как швырнет в лошадь, а та галопом назад, по коридору, я только успел подняться на ступеньки, а лошадь прыг через этого мальчишку с веревкой, волоска на нем не задела, и вон, на террасу, увидела меня, даже не остановилась: повернула и по галерее, скок через перила и в загон, чисто цирковой конь, – луна прямо на нее светит, а она взмыла ястребом, в два прыжка перелетела загон и вон из ворот – их никто и не догадался притворить; я только услышал, как она промчалась по деревянному мостику, как раз у поворота к Букрайту. А тут и мальчик вышел из дому, веревку за собой тянет. «Здрасьте, мистер Рэтлиф, говорит. А куда она побежала?» Но, в общем-то, вы не правы.

Жеребенок, щенок, котенок, обезьяныш – словом, кто угодно, только не сноупсенек. Но надо подумать, только подумать – подумаешь и задрожешь: пройдет еще одно поколение после Эка Сноупса с его наивностью; еще одно поколение – и наивная и нелепая вера в то, что честь и смелость вполне естественны, успеет охладеть и потускнеть, так что останутся только отвлеченные понятия честности и смелости, и тогда добавьте к этому холодное хищничество, унаследованное этим поколением, ставшее для него произвольным, как дыхание, и вас дрожь охватит при этой мысли: отвлеченные понятия – смелость и честь в соединении с хищничеством или хищничество, возведенное в энную степень самими понятиями смелости и чести: тут уж вырастет не жеребенок, а тигренок или львенок, Чингисхан, или Тамерлан, или же Аттила среди беззащитных жителей незащищенного Джефферсона. А Рэтлиф смотрел на меня. То есть он все время на меня смотрел. Но, понимаете, я вдруг в испуге подумал, а не забыл ли я про него на миг?

– Что? – переспросил я. – Что вы сказали?

– Сказал, что вы не правы. Насчет того, как Эк получил место ночного сторожа при нефтеналивном баке. На этот раз Манфред де Спейн тут ни при чем. Это всё масоны.

– Что? – сказал, нет, крикнул я.

– Вот именно. Эк был самым что ни на есть главным масоном на Французовой Балке среди масонов дядюшки Билла Уорнера. Это дядя Билл велел джефферсонским масонам найти для Эка хорошую, легкую инвалидную работу.

– Это так опасно? – сказал я. – Неужто так опасно?

Неужели тот, что идет вслед за Эком, настолько гадок, страшен и опасен, что самому Биллу Уорнеру, хотя он живет за двадцать две мили от Джефферсона, пришлось распространить свое влияние, чтобы спасти от него Французову Балку? Ведь вслед за Эком за ресторанную стойку встал А. О., кузнец, он же учитель, он же двоеженец, или продолжатель рода путем двоеженства, – тощий низкорослый и болтливый тип с лицом хорька, неумолчно извергавший поток избитых поговорок и присловий, совершенно бессвязных и ни к чему отношения не имеющих; сам он даже вместе с кузнечным молотом не потянул бы на весах столько, сколько весила наковальня, отнятая и присвоенная им; он (это все Рэтлиф, Рэтлиф всегда и везде) был, без умолку болтая, на Французову Балку, вернее, явился, так и не закрывая рта, однажды утром в кузницу Уорнера, которой в течение пятидесяти лет заправлял старик Трамбл, за кузнеца и за подручного.

Но кузнец он был никакой, этот А. О. Он просто занимал место. Работал другой, наш Эк, его двоюродный брат (или кем он там ему приходился – а может быть, достаточно обоим носить фамилию Сноупс, пока не окажешься недостойным этого, как оказался Эк, – чтобы, как два масона, быть навеки клятвенно связанными в борьбе с жизнью, если не станешь веротступником, как Эк), – он и делал всю работу, этот Эк. До того дня, того утра, когда «служба», Эк, еще не явился, а верховному пастырю, очевидно, пришло в голову, что это его право, его власть – самому служить обедню и никто ему помешать не может: то самое утро, когда Джек Хьюстон привел своего мощного жеребца и Сноупс сразу вогнал ему гвоздь под копыто, после чего Хьюстон схватил Сноупса и швырнул его в чан с водой вместе с его молотом, и как-то ухитрился сдержать взбешенного коня, и отодрать подкову вместе с гвоздем, а потом вывести коня на улицу, привязать его и, вернувшись в кузницу, снова швырнуть Сноупса в чан.

И учитель он был никакой. Причем он не просто узурпировал это место у какого-нибудь чужака, он буквально украл это звание у своего родственника. Правда, на Французовой Балке об этом еще не знали. Знали только, что не успел он вылезти из этой кузницы (или обсохнуть после чана, куда его зашвырнул Хьюстон), как уже устроился учителем («профессором», как их звали на Французовой Балке, конечно, если этот профессор ходил в брюках) в однокомнатной школе, которая тоже была неотъемлемой принадлежностью уорнеровского королевства – неотъемлемой не потому, что сам Уорнер или кто-либо другой на Французовой Балке считал, что воспитание юношества восполняет пробел в общественной жизни или вообще необходимо, но просто потому, что в его владениях для полноты картины необходима была школа, как в товарном поезде необходим тендер.

И вот А. О. Сноупс стал учителем; вскоре он женился на девице с Французовой Балки, и не прошло и года, как он стал возить по деревне самодельную колясочку, а его жена снова ходила в положении; сразу можно было сказать, что человек не то что прочно осел, но был, так сказать, обречен на оседлое существование, как вдруг, на третьем году его житья там, пухлая, белесая, хотя еще совсем не старая женщина, вместе с пухлым, белесым мальчишкой лет пяти, подъехала в тележке к лавке Уорнера.

– Это была его жена, – сказал Рэтлиф.

– Жена, – сказал, нет, крикнул я. – А я думал...

– Все мы думали, – сказал Рэтлиф. – У него в этой самодельной колясочке и так уже сидело двое, на сей раз близнецы, окрестили их Бильбо и Вардаман, да еще тот первенец – Кларенс. Да, брат, уже три парня, а тут еще другая жена, того и гляди, явится еще с одним отпрыском, а сам-то отец – маленький, сухой, чуть побольше краба, и вторая жена, – нет, я про ту, что он завел на Французовой Балке, до того как та, первая, приехала, про ту, что при-

ходила племянницей сестре миссис Талл, – тоже не бог весть какая великанша, а он от нее уже имел двух совершенно таких же пухлых, белесых ребятишек, вроде того, что подъехал со своей мамашей в тележке, а эта мамаша обратилась к тем, кто сидел на галерее, и говорит: «Слышится мне, будто А. О. там, в лавке. (Он там и был. Мы слышали его голос.) Будьте добры, говорит, скажите ему, что жена приехала».

И все. Достаточно, правда? Когда он – А. О. – три года назад приехал на Французovu Балку, у него был большой ковровый саквояж, а за три года он, наверно, подкопил еще кое-что. Не считая, конечно, трех новых ребятишек. Но он и не пошел за вещами. Сразу выскочил через заднюю дверь лавки. А Флем уже давным-давно подсудобил старику Трамблу Уорнерову кузню, но теперь им учитель понадобился другой, во всяком случае, должен был понадобиться, как только А. О. скроется из виду за первым же углом и даст ходу. Видно, так он и сделал, но никто не заметил, как пыль заклубилась по дороге. Говорят, он даже трепаться перестал, хотя я этому не верю. Впрочем, когда-то надо остановиться, верно?

Надо-то надо. Но А. О. так и не остановился. То есть он уже опять не закрывал рта, когда, в свою очередь, появился за ресторанной стойкой в засаленном фартуке, стал принимать заказы и жарил все не так, вернее, жарил не то, что надо, и не оттого, что работал слишком быстро, а оттого, что не умолкал ни на миг, и его никто не успевал поправить или остановить, нет, он без умолку извергал непрерывный поток путаных и перековерканных поговорок и при- сказок, без всякого смысла, без всякой цели.

И тут же его жена, я говорю про жену номер первый, если можно так сказать, про основ- ную жену, которая стояла номером первым в программе, хотя и оказалась номером вторым в порядке выхода на сцену. Та, другая, номер второй в программе, хотя и номер первый в порядке выхода на сцену, племянница сестры жены Талла, породившая вторую порцию беле- сых, как их называл Рэтлиф, ребятишек – Кларенса и близнецов Вардамана и Бильбо, – та осталась на Французовой Балке. Нет, речь идет о первой, которая появилась на Французовой Балке, восседая в тележке, и уехала оттуда, сидя в той же тележке, и появилась в Джефферсоне пять лет спустя, в том же сидячем положении, словно из тележки, в которой Рэтлиф увидел ее за двадцать две мили отсюда пять лет назад, ее, неизвестно как, перенесло прямо в кресло- качалку на галерее мебелишек, где она сидела у всех на глазах, согнув колени под прямым углом, словно суставы у нее в бедрах совсем не двигались, – и в этой женщине была какая-то совершенно особенная тяжесть, инертность, как в свинце или уране, так что перенести ее из тележки в качалку могла, очевидно, только сверхчеловеческая сила, тут и десяти А. О. было недостаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.